

УДК 325.1(470.6)

ББК 60.7

К 88

Куваева Аида Аслановна, старший преподаватель кафедры истории государства и права факультета информационных систем в экономике и юриспруденции Майкопского государственного технологического университета

**МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

(рецензирована)

В статье анализируется характер миграционной политики Российской империи на Северо-Западного Кавказа со второй половины XIX до начала XX вв.

Ключевые слова: миграционная политика, переселение, колонизация, Российская империя, Северо-Западный Кавказ.

Kuvaeva Aida Aslanovna, senior lecturer of the Department of History of State and Law, Faculty of information systems in economics and law, Maikop State Technological University.

**IMMIGRATION POLICY OF RUSSIA IN THE NORTH-WEST CAUCASUS IN THE SECOND
HALF OF XIX - EARLY XX CENTURIES**

(reviewed)

The article examines the nature of the migration policy of the Russian Empire in the Northwest Caucasus in the second half of XIX century - early XX centuries.

Keywords: migration policy, migration, colonization, the Russian Empire, the North-Western Caucasus.

Северо-Западный Кавказ в силу определенных причин, в числе которых одна из главных – его завоевание и включение в состав Российской империи, представлял собой во второй половине XIX – начале XX вв. весьма активный миграционный регион. До последнего времени миграционная политика российского правительства на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. не рассматривалась в качестве самостоятельной научной проблемы. В большинстве случаев объектом интереса исследователей являлась или собственно историческая демография Кавказа и проблемы формирования этнических границ в регионе[1], или такой процесс, как махаджирство (массовая эмиграция в Турцию ряда коренных народов Кавказа), комплекс работ по которому весьма обширен [2]. В переселенческой политике царизма на Северном Кавказе в 60-90-е гг. XIX в. специалисты выделяют три периода:

- 60-е гг. XIX в. – продолжение заселения предгорной части Кубанской области, отсутствие переселений в Черноморской губернии, выселение горцев в Турцию;

- 70-е гг. XIX в. – ограничение переселений, как результат – ослабление оттока земледельческого населения страны на окраины, ликвидация льгот переселенцам (по законам 40 – 50-х гг.), усиление стихийного заселения Северного Кавказа;

- 80 – 90-е гг. XIX в. – признание правительством полезности внутренних земледельческих миграций *состоятельного* крестьянства на окраины, ослабление темпов заселения Северного

Кавказа на фоне усиления миграционных потоков в Сибирь, на Дальний Восток и в Казахстан, переселение на Северный Кавказ мигрантов из близлежащих районов (Новороссии, Левобережной Украины и Центрально-Земледельческого региона)[1]. Данную периодизацию, предложенную В. Кабузаном, в соответствии с определенными хронологическими рамками, необходимо дополнить еще одним этапом:

- 1901– 1916 гг. – отказ от политики ограничения переселений, переход к политике свободы переселений, преобладание стихийных миграций, изменение видов территориальной подвижности (военный отход, дезертирство, стихийная демобилизация, беженское движение)[3].

Особое место в миграционной политике России в рассматриваемый период продолжала занимать проблема выселения горцев на равнину. Для прояснения сути российской политики в данном направлении необходимо обратиться к истории вопроса и выяснить был ли этот метод (выселение, переселение) исключительной мерой, предпринимавшейся в годы Кавказской войны, или он использовался российскими властями и в иных ситуациях. Изучение и анализ источников позволяет утверждать, что еще до завершающего этапа Кавказской войны российское правительство рассматривало выселение горцев и расселение их среди русского населения как одно из важных направлений своих действий на Кавказе.

На практике эту идею начал реализовывать А.П. Ермолов. В 1817 г. заложив редут Назрань, он переселил в его окрестности несколько горных ингушских аулов с целью прикрыть Владикавказ от нападений чеченцев. В 1830 г. после подавления восстания в Тагаурии И.Ф. Паскевич, стремясь впредь ликвидировать угрозу подобных восстаний, переселил часть осетин-горцев на равнину[4]. В эти годы переселение горцев имело относительно небольшой масштаб. Ситуация изменилась в 60-е гг., когда переселение приняло более крупные размеры и использовались уже для решения не только частных задач, но и для достижения стратегических целей – завоевания, замирения и окончательного включения региона в состав Российской империи, «растворив» коренное население в среде переселенцев, прежде всего русских.

«Равнинное» переселение горцев не сразу стало приоритетным. Российским правительством рассматривались и другие регионы страны для расселения там горцев. В 1857 г. Д.А. Милютин, будучи начальником Главного штаба Кавказской армии, в особой докладной записке изложил свои предложения о поселении горцев на землях Войска Донского[5]. Речь в данном случае шла о горцах, покорившихся, тем не менее представлявших для России угрозу в проведении политики завоевания и замирения края. Официальными российскими властями предложения Д.А. Милютина в тот период были отклонены. Но российские военные вернулись к ним еще раз в 1860 г., рассмотрев этот вопрос на печально знаменитом владикавказском совещании и определив выселение на Дон, как одно из направлений покорения горцев и приведения их в единое со всей империей состояние.

Главная цель переселения горцев как в годы Кавказской войны, так и в последующие периоды, состояла в рассредоточении и расселении их между казачьими станицами и русскими поселениями.

Своего пика выселение адыгов, решение о котором было принято в октябре 1860 г. на совещании во Владикавказе, достигло на завершающем этапе Кавказской войны. Предложенный на нем план включал в себя в качестве основных направлений завоевания края – вытеснение адыгов из гор на равнину и одновременное строительство на освобожденных местах казачьих и крестьянских поселений. Практически все участники совещания поддержали позицию командующего войсками Кубанской области генерала Н.И. Евдокимова, считавшего, что главным условием успеха завоевания края должно было стать именно выселение адыгов на открытые равнины, а «особо беспокойных – в единоверную Турцию». Его план по выселению горцев и занятию их территорий включал следующие меры:

- поселение части черкесских племен большими аулами на равнине между Кубанью и Лабой «под надзором и управлением русской власти». Как показали дальнейшие события, «надзор и управление» были весьма строгими, вплоть до исключения свободы перемещения;

- оказание всяческого содействия и даже понуждение горцев к выселению в Турцию. Именно «понууждение» характеризовало отношение государства к эмиграции адыгов;

- выселение части черкесов на Дон;

- привлечение «для заселения освобождающихся территорий» Азовского, Кубанского и Донского казачества, а также государственных крестьян южных губерний и «женатых солдат» Кавказских полков.

В 1861-1864 гг. российским чиновникам удалось переселить на равнину несколько десятков тысяч горцев: шапсугов, абадзехов и бжедухов. Размещены они были в основном на территории будущих Псекупского и Лабинского округов, которые были отрезаны казачьими станицами от гор и друг от друга. Такое расселение, без сомнений, преследовало, в первую очередь, военно-стратегические цели. Любой мятеж окруженных станицами горцев был обречен на поражение, этому же способствовало и разоружение горцев, такое положение свидетельствовало «о полностью обеспеченном»[6] положении Северо-Западного Кавказа. Однако это не решило задачи лояльности горцев.

14 декабря 1869 г. на территории будущего Сочинского округа Черноморской губернии было создано 14 солдатских поселений, к ряду из них разрешено было подселиться шапсугам, возвращавшимся с Кубани или выселяемых из гор. В результате таких действий земли, принадлежавшие аулам, в большинстве своем «не составляли единой территории, образуя территориальные пятна»[7]. Довольно часто практиковались и вторичные переселения черкесов.

В 80-е гг. XIX в. под практические действия по переселению неблагонадежных народов, в числе которых числились и горцы Кавказа, была подведена теоретическая основа в виде доктрины так называемой «географии неблагонадежности». Суть данной доктрины состояла в необходимости дифференциации районов России по доле в их населении «благонадежных» (славяне) и «неблагонадежных» (поляки, евреи, немцы, народы Кавказа) и разработке системы мер, в том числе «депортаций для нейтрализации потенциала «неблагонадежности» той или иной территории».

Творцами этой доктрины стали военные статистики В.А. Золотарев, Н.Н. Обручев, А.И. Макшеев[8]. В ее рамках особенности расселения и специфика ландшафта этнических территорий коренных народов Кавказа, в том числе его северо-западной части, рассматривались как один из факторов их нелояльности. Следуя этой логике, в качестве одного из инструментов укрепления власти России на Кавказе, узаконивались депортации, направленные на то, чтобы сломать традиционные ареалы, формы, характер расселения народов Кавказа и, в конечном итоге, имевшие целью окончательное замирение горцев и включение их в общую административно-территориальную систему России. Это вело к трансформации горского общества. Поэтому представляются весьма дискуссионными утверждения ряда современных исследователей, «что переселения не всегда носили жестко принудительный характер»[9]. Даже после переселения «строгость» и жесткость властей были направлены на ограничения в перемещении адыгов, находившихся под «чутким» надзором местных властей. Их передвижение в соседние аулы или населенные пункты строго контролировалось местными властями. Официально проводимая властями политика относительно переселения горцев влекла за собой кардинальные изменения в их образе жизни, быте и хозяйственных занятиях.

Практика принудительного переселения горцев на равнину с целью обеспечения их лояльности российскому правительству применялась практически во всех частях Северного Кавказа, но в полной мере эта политика была реализована на Северо-Западном Кавказе. Депортация адыгов на равнину была основной составляющей частью проекта Евдокимова. Некоторые исследователи полагают, что переселение горцев на равнину было в проекте Евдокимова ключевым звеном, а поощрение махаджирства «первоначально мыслилось как мера вспомогательная»[9]. Аргументируется этот вывод тем, что по первоначальному плану земельной реформы в Кубанской области горцам предполагалось дать значительно меньшие наделы, чем те, что они получили впоследствии (5,5, а не 9-14 десятин на душу мужского пола)[9], т.е. администрация готовилась разместить в долинах притоков Кубани гораздо большее население[10]. Поэтому большое количество горцев, пожелавших переселиться в единоверную Турцию, на первых порах вызвало замешательство в рядах российских военных и чиновников.

Н.Ю. Силаев в числе основных причин нежелания горцев переселяться на равнину называет причины экономические. По его мнению, переселяя горцев на Прикубанские равнины, кавказская администрация полностью игнорировала тот факт, «что переселенцы привыкли к совершенно иным природным условиям, и их традиционные агротехнологии были рассчитаны на горный, а не на равнинный ландшафт». В результате, заключает он, «адаптироваться к условиям равнины горцы не смогли даже спустя десятки лет»[9]. При всей важности указанной причины, представляется, что не она была причиной махаджирства адыгов, так упорно стремившихся покинуть свою историческую родину. В числе основных стояли военные и управленческие причины. Включение Северо-Западного Кавказа имело цель после завоевания подчинить его общероссийским законам и системе управления. Заявления представителей российской администрации о сохранении самобытности горских народов носили весьма декларативный характер.

Нежелание горцев переселяться на равнины и подчиняться требованиям российского правительства в совокупности с рядом других причин, военного, политического, социального и культурного характера вызвало к жизни такое явление как массовое махаджирство. Проблема выселения горцев в пределы Османской империи, его причины, итоги, количество выселенных всегда находились в центре внимания отечественных и зарубежных кавказоведов. Данная проблема продолжает и до настоящего времени оставаться одной из самых дискуссионных. В настоящее время существуют, по мнению специалистов, два альтернативных подхода к ее осмыслению:

- выселение явилось не только способом завоевания края, но и было направлено «на истребление покоряемых народов» и «геноцид горцев»[11];

- «переселения не были непосредственно связаны с военной экспансией со стороны России», они имели в значительной мере ненасильственный и добровольный характер[12]. Такое расхождение мнений объясняется тем, что, как отмечают сами историки, исследователям не удалось еще в полной мере осмыслить имеющиеся источники и перейти «от подбора фактов» к «их связи»[13]. Дискуссии по данной проблеме свидетельствуют о ее актуальности, и одновременно о стремлении «пересмотреть... существующие... концепции и устоявшиеся стереотипы» с целью «более глубокого осмысления данной темы»[14].

Проведенный анализ работ позволяет сделать вывод об отсутствии единой точки зрения и единого подхода к оценке влияния переселений адыгов, в том числе их эмиграции в Османскую империю на формирование этнополитической картины региона. Ряд исследователей оценивают сложившуюся этнополитическую карту региона в рассматриваемый период как исторически закономерный процесс, «как часть общего континентального стабилизационного процесса»[13].

Представители противоположной точки зрения изменение этнополитической карты Северо-Западного Кавказа связывают, в первую очередь, с насильственным выселением горцев с их исконных земель в Османскую империю и рассматривают его как одно из средств завоевания региона[15]. Сокращение численности адыгского этноса в итоге Кавказской войны, приведшее к новой этнической структуре населения Северо-Западного Кавказа, В.А. Дмитриев сравнивает с демографической катастрофой[7].

Нет в отечественной историографии и единого мнения о количестве переселившихся горцев в Турцию. Называются различные цифры, что вполне понятно, так как в тот период практически никакого статистического учета не велось. В одних работах приводились и продолжают приводиться данные по всему Северному Кавказу, в других – по его западной части, в третьих – отдельно по Кубанской области и Черноморскому округу, что не могло не создать большого разнобоя в оценке событий.

Если попытаться очертить крайние границы приводимых в различных источниках данных, то они колеблются от 13-14 тыс. (1871-1884 гг.) по данным М.К. Любавского и сборника «Покоренный Кавказ»[6], до миллиона и двух миллионов (за весь период). Так, С. Хотко, ссылаясь на данные журнала «Иущхьэмахуэ» (1976 г. № 4), склонен считать число выселенных адыгов с 1859 по 1865 гг.

не менее миллиона. В.А. Тишков отмечает, что «преимущественно из западной части Северного Кавказа» в ходе Кавказской войны покинули историческую родину от 1 до 2,5 млн. человек». Бэрзэдж Н. «после анализа и сравнения существующих статистических данных, изучения источников и литературы различных авторов» пришел к выводу, что с 1857 по 1910 гг. с Северного Кавказа в Османскую империю было насильственно изгнано не менее 1 млн. 700 тыс. чел.»[14] По подсчетам С.Г. Кудяевой из каждых 100 переселившихся кавказцев 57 были адыгами[15]. Подтверждая «массовый исход черкесов с исторической родины», В. Кабузан отмечает, что «в конце XVIII в. 40% всего населения Северного Кавказа составляли адыгейцы, а к концу XIX в. их осталось всего 0,2%»[1].

Слабой стороной ряда цитируемых работ является отсутствие ссылок на использованные источники и методику собственного подсчета. Исключение составляет работа С.Г. Кудяевой, в которой приведен наиболее полный перечень источников[15].

Миграционная политика российского правительства на Северо-Западном Кавказе предполагала, что действия по выдавливанию нелояльного горского населения из стратегически важных районов дополнялись русской колонизацией. Формирование «русского горного населения» представлялось одним из самых надежных средств достижения «благонадежности» региона. Специфика правительственного курса по отношению к русской колонизации заключалась в том, что курс этот был направлен преимущественно на решение политических задач и не преследовал сколько-нибудь значимых экономических целей, которые, если и заявлялись, то весьма отвлеченно и умозрительно.

Основным колонизационным элементом региона выступало казачество. Российскому правительству и кавказской администрации приходилось в течение второй половины XIX в. несколько раз пересматривать порядок переселения казаков. В конечном счете, администрация вынуждена была перейти к переселению казаков по жребию, а также обеспечивать переселенцев существенными пособиями и льготами, что было впоследствии законодательно зафиксировано в «Положении о заселении предгорий западной части Кавказского хребта», однако и после принятия этого документа характер казачьего переселения остался принудительным.

Вышесказанное позволяет утверждать, что характер миграционной политики российского правительства на Северо-Западном Кавказе на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. колебался от сверхактивного до весьма пассивного. По отношению к переселению адыгов в Османскую империю российские власти придерживались принципа активизации и поощрения, но никак не невмешательства, как это отмечают некоторые отечественные исследователи[9]. Организуя массовые перемещения населения в регионе, кавказская администрация с одобрения центральных властей исходила в первую очередь из военно-стратегических интересов включения региона в политико-административную систему Российской империи. Цель этих перемещений сводилась к тому, чтобы максимально сократить для горцев возможности антироссийских выступлений, угроза коих на Северо-Западном Кавказе была полностью ликвидирована.

Миграционная политика кавказской администрации, имевшая в виду сугубо военные цели и проводившаяся военно-административными методами была сосредоточена исключительно на вопросах стратегического характера, связанных с переселениями. Вне поля зрения российских чиновников и военных оставались вопросы адаптации переселенцев (как горцев, так и русских) к новым районам расселения. В результате военные задачи полностью оттесняли на второй план любые соображения экономической целесообразности.

К концу XIX в. в регионе в полной мере выявился ряд проблем, которые невозможно было решить в рамках старой военно-стратегической парадигмы миграционной политики. Снижение активности миграционной политики российских властей, как представляется, было связано и с тем, что готовность Петербурга расходовать на Кавказ какие бы то ни было ресурсы, к концу века неуклонно снижалась. Резко возросшие темпы воспроизводства, поставившие Северо-Западный Кавказ на первое место в России и продолжавшийся приток преимущественно русских и украинских мигрантов привели к значительным изменениям в этническом составе и ареалах расселения этносов региона.

Литература:

1. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX вв. Этностатистическое исследование. СПб., 1996.
2. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. СПб., 1822. Т. 33 ; Тотоев М.С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859-1865 гг.) // Известия СОНИИ. Серия историческая. Дзауджикау, 1948. Т. XIII, вып. 1 ; Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975 ; Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Серия историческая. Ставрополь, 1966. С. 111-131; Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствия Кавказской войны. Нальчик, 1994 ; Бэрзэдж Н. Изгнание черкесов. Причины и последствия. Майкоп, 1996 ; Кудаева С.Г. Огнем и железом: Вынужденное переселение адыгов в Османскую империю (20 – 70-е гг. XIX в.). Майкоп, 1998 ; Ибрагимова З.Х. Эмиграция чеченцев в Турцию (60-70-е годы XIX в.). М., 2000.
3. Денисенко М.Б. Демографический кризис 1914 – 1922 гг. // Вестник МГУ. Серия 18, Социология. Политология. 1997. № 2. С. 78 – 96.
4. Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Владикавказ, 1892. Вып.1. Осетины, ингуши, кабардинцы. С. 15, 81.
5. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 212.
6. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Ед. хр. 470. Л. 1 об.
7. Дмитриев В.А. Личность в изменяющемся социокультурном окружении. Черноморские шапсуги: от традиционного социума к современному // Северный Кавказ: человек в системе социокультурных связей. СПб., 2004. С. 277, 287.
8. Полян П. Принудительные миграции: предыстория и классификация. URL: <http://www.memo.ru/history/deport/polyanO.htm#slP.3>.
9. Силаев Н.Ю. Миграционная политика российского правительства на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: практика и результаты // Вестник МГУ. Серия 8, История. 2002. № 3. С. 73-91.
10. Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 66.
11. Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства: материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. (24 – 26 октября 1990 г.). Нальчик, 1994 ; Керашев М.А. Гибель Черкесии. С. 104 ; Куценко И.Я. Кавказская война и проблемы преемственности политики на Северном Кавказе // Кавказская война: уроки истории и современность: материалы науч. конф. Краснодар, 16 – 18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 44 ; Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX в. Нальчик, 1992 ; Думанов Х.М. Вдали от роди-

ны. Нальчик, 1994 ; Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствия Кавказской войны. Нальчик, 1994 ; Кудаяева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп, 2006.

12. Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4. С. 34-45 ; Его же. «Смотря по желанию»... // Родина. 2000. № 1 – 2. С. 142-147 ; Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000. С. 25 ; Ганич А.А. Черкесская диаспора в Иордании: генезис и современное состояние: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 6, 7, 14.

13. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов н/Д, 2006. С. 91.

14. Бэрэдж Н. Изгнание черкесов. Причины и последствия. Майкоп, 1996.

15. Кудаяева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп, 2006.

16. Любавский М.К. Обзор русской колонизации. М., 1996. С. 426 ; Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного состояния Кавказа. СПб., 1904. С. 514.

References:

1. Kabuzan V.M. *The population of the Northern Caucasus in the XIX - XX centuries. Ethnostatisticheskoe study.* St Petersburg, 1996.

2. Bergue A.P. *Eviction of mountaineers from the Caucasus // Russian antiquity.* St Petersburg, 1822. V. 33; Totoev M.S. *On the relocation of the Ossetians in Turkey (1859-1865) // Proceedings of NOSII. Historical series.* Dzardzhikau, 1948. V. XIII, No. 1; Dzidzaria G.A. *Makhadjiring and problems of history of Abkhazia in the XIX century.* Sukhumi, 1975; Laipanov H.O. *On the history of the North Caucasus mountaineers resettlement in Turkey // Proceedings of the Institute of Karachaevo-Cherkessia. Historical series.* Stavropol, 1966. P. 111-131; Kумыков Т.Х. *Eviction of Circassians in Turkey - the consequences of the Caucasian War.* Nalchik, 1994; Berzedzh N. *Expulsion of Circassians. Causes and consequences.* Maikop, 1996; Kudayeva S.G. *By fire and iron: Displacement of Circassians to the Ottoman Empire (20 – 70-s of XIX century).* Maikop, 1998; Ibragimov Z.K. *Emigration of the Chechens in Turkey (60-70-s of XIX century).* M., 2000.

3. Denisenko M.B. *Demographic Crisis of 1914 – 1922-s // Bulletin of MSU. Series 18, Sociology. Political science.* 1997. № 2. P. 78 - 96.

4. Maximov E., Vertepov G. *Natives of the North Caucasus. Vladikavkaz, 1892. Issue 1. The Ossetians, Ingushes, Kabardians.* P. 15, 81.

5. Smirnov N.A. *Muridism in the Caucasus.* M., 1963. P. 212.

6. RGVIA. F. 38. Op. 7. un.k. 470. L. 1 gen.

7. Dmitriev V.A. *Identity in a changing socio-cultural environment. The Black Sea Shapsugs: from traditional to modern society // Northern Caucasus: the man in the socio-cultural ties.* St Pet., 2004. P. 277, 287.

8. Polyan P. *Forced Migrations: background and classification.* URL: <http://www.memo.ru/history/deport/polyanO.htm#sl> P. 3.

9. Silaev N.Y. *Migration Policy of the Russian government in the North Caucasus in the second half of XIX century.: practice and results // Bulletin of MGU. Series 8, History.* 2002. № 3. P. 73-91.

10. Gavrilov P.A. *The device is the land-living mountain tribes of the Northern Caucasus // Collection of data on the Caucasian mountaineers.* Tbilisi, 1869. No. 2. , P. 66.

11. *The national liberation struggle of the peoples of the North Caucasus and the problem of muhadjering: materials of all- Union Scientific-Practical. Conf. (24 - 26 October 1990).* Nalchik, 1994; Kerashev M.A. *The death of Circassia.* P. 104; Kutsenko I.J. *Caucasian war and the problems of continuity of the policy in the Northern Caucasus // The Caucasian war: the lessons of history and modernity: mat. sc. conf.* Krasnodar, 16 – 18 May, 1994. Krasnodar, 1995. P. 44; Kasumov A.H., Kasumov H.A. *Genocide of the Circassians. From the history of the struggle for the independence of Circassians in the XIX century.* Nalchik, 1992; Dumanov H.M. *Away from home.* Nalchik, 1994; Kумыков Т.Х. *Eviction of Circassians in Turkey - the consequences of the Caucasian War.* Nalchik, 1994; Kudayeva S.G. *Adyghs (Circassians) of the North-West Caucasus in the XIX century: the processes of transformation and differentiation of Circassian society.* Maikop, 2006.

12. Matveev V.A. *The resettlement of highlanders in Turkey: the unrecorded details of the tragedy and the true interests of Russia in the Caucasus* // *Scientific Thought of the Caucasus*. 1999. № 4. P. 34-45; "Looking at the request of '... // *Motherland*. 2000. № 1 - 2. P. 142-147; Kipkeeva Z.B. *Karachay-Balkar diasporas in Turkey*. Stavropol, 2000. P. 25; Ganich A.A. *The Circassian diaspora in Jordan: the genesis and current status: abstract. dis. ... Candidate. Hist. Sciences*. M., 2003. P. 6, 7, 14.

13. Matveev V.A. *Russia and the North Caucasus: historical features of the formation of national unity (second half of XIX-beginning of XX century.)*. Rostov on / D, 2006. P. 91.

14. Berzedzh N. *Expulsion of Circassians. Causes and consequences*. Maikop, 1996.

15. Kudayeva S.G. *Adyghs (Circassians) of the North-West Caucasus in the XIX century: the processes of transformation and differentiation of the Circassian society*. Maikop, 2006.

16. Liubavskii M.K. *Review of Russian colonization*. M., 1996. P. 426; *Conquered Caucasus. Essays on the historical past and the present state of the Caucasus*. St Pet., 1904. P. 514.